

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА ПРИМЕНИМОГО ПРАВА В ПРАКТИКЕ РАЗРЕШЕНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ

ЛАЗАРЕВА Татьяна Петровна, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук
Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34
E-mail: pil@izak.ru

ШЕСТАКОВА Марина Петровна, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук
Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34
E-mail: pil@izak.ru

Реформой законодательства о третейских судах в Российской Федерации предусматривается усиление роли международного арбитража в повышении эффективности внешнеэкономических связей.

Цели исследования: изучение практики определения арбитражными судами применимого права к отношениям, вытекающим из трансграничных договоров; выявление подходов судов к решению этой проблемы в аспекте особенностей применения ими негосударственных источников регулирования, а также отдельных международных договоров. Поставлена задача выявить основные направления совершенствования практики разрешения внешнеторговых споров с позиции гармонизации подходов к определению судами подлежащего применению права к международным коммерческим договорам.

Методы исследования: сравнительно-правовой, формально-юридический, формально-логический, толкование права, а также общенаучные методы.

Отмечается возрастающая роль вненациональных (негосударственных) источников в регулировании трансграничных отношений. В международной арбитражной практике признание свободы сторон в выборе применимого к их договору права нашло отражение в регламентах ведущих международных коммерческих арбитражей, а также в национальном законодательстве ряда стран. Существующие проблемы применения международных договоров при разрешении внешнеэкономических споров рассмотрены с позиций определения в каждом конкретном случае сферы их действия, что не всегда учитывается при решении вопроса о возможности применения Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге к соответствующим отношениям. При этом не принимается во внимание, что в данной Конвенции сфера ее действия определена исходя из конструкции «трехсторонних» отношений участников лизинга, охватывающих как договор лизинга, так и связанные с ним отношения купли-продажи. Авторы поддерживают позицию, согласно которой в случаях, когда в договоре купли-продажи передаваемого в лизинг оборудования имелась прямая отсылка к положениям Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров, исходя из волеизъявления сторон применялась эта Конвенция. В статье также поднимаются вопросы соотношения сфер действия Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге, Конвенции УНИДРУА о международных гарантиях относительно подвижного оборудования и Конвенции о межгосударственном лизинге.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА), Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге, негосударственные источники регулирования, трансграничные договоры, международная купля-продажа, международный финансовый лизинг.

Для цитирования: Лазарева Т. П., Шестакова М. П. Некоторые проблемы выбора применимого права в практике разрешения внешнеэкономических споров // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 69—83. DOI: 10.12737/jflcl.2019.6.6

SOME ISSUES OF CHOOSING APPLICABLE LAW IN THE PRACTICE OF RESOLUTION OF FOREIGN ECONOMIC DISPUTES

T. P. LAZAREVA, M. P. SHESTAKOVA

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow 117218, Russian Federation
E-mail: pil@izak.ru

The reform of the legislation on arbitration courts in the Russian Federation, carried out in recent years, provides for strengthening the role of international arbitration in increasing the effectiveness of foreign economic relations.

The purpose of the research is to study the practice of arbitration courts in determining the applicable law to relations arising from cross-border contracts; identifying the approaches of the courts in resolving this problem in the aspect of using non-state sources of regulation in resolving disputes, as well as particular international agreements. The article aims to identify the main directions of improving the practice of resolving foreign trade disputes from the standpoint of harmonizing approaches to determining by the courts the law to be applied to international commercial contracts.

To achieve the goal and objectives of the research, comparative, technical, formal logical methods, the method of interpretation of law, as well as general scientific methods have been applied.

The article notes the increasing role of non-state sources in the regulation of cross-border relations. References to non-state sources, which regulate foreign economic relations — sets of uniform principles and rules of contract law, model general conditions, international trade customs, regulations, etc. — are more and more often found in cross-border contracts concluded by participants in international commercial transactions. In international arbitration practice, the recognition of the freedom of parties to choose the law applicable to their contract, including informal regulatory sources, is reflected in the regulations of leading international commercial arbitrations, as well as in the national legislation of various countries. At the same time, their application in practice now faces certain difficulties. Problems of application of international treaties in the resolution of foreign trade disputes are considered from the standpoint of determining in each specific case the scope of their action. As practice shows, this factor is not always taken into account when deciding whether to apply the UNIDROIT Convention on International Financial Leasing 1988 to the relationship of international financial leasing. It is not taken into account that, the scope of the Article 3 of the Convention is determined on the basis of construing “tripartite” relations by leasing participants, covering both the leasing agreement itself and the contract of sale relations associated with it. The author supports the position, according to which in cases where the sale contract of equipment to be leased is directly referred to the provisions of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods 1980, based on the will of the parties. The article also raises the issue of the relation between the scope of the UNIDROIT Convention on International Financial Leasing 1988, the UNIDROIT Convention on International Interests in Mobile Equipment 2001 and the Convention of the CIS on Interstate Leasing 1998. According to the author, if the scope of international treaties coincide and they do not contain corresponding provisions on their delimitation, the special nature of the norms of the relevant convention should be taken into account. In particular, if the 1988 UNIDROIT Convention and the 1998 Convention on Interstate Leasing coincide, priority should be given to the latter, taking into account the participation in the Convention of the CIS countries and its focus on cooperation in the framework of the regional association.

Keywords: international commercial arbitration, Principles of International Commercial Contracts (UNIDROIT Principles), UNIDROIT Convention on International Financial Leasing, non-state sources of regulation, cross-border contracts, international sale and purchase, international financial leasing.

For citation: Lazareva T. P., Shestakova M. P. Some Issues of Choosing Applicable Law in the Practice of Resolution of Foreign Economic Disputes. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2019, no. 6, pp. 69—83. (In Russ.) DOI: 10.12737/jflcl.2019.6.6

Состояние правового обеспечения внешнеэкономической деятельности зависит не только от содержания правовых актов, принятых в этой области, но и в немалой степени от практики их применения при разрешении споров государственными арбитражными судами и международными коммерческими арбитражами.

В последние годы наблюдается усиление роли международного арбитража в повышении эффективности внешнеэкономических связей, что, в частности, подтверждается проведенной в нашей стране реформой законодательства о третейских судах. Федеральные законы от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» и от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона “О саморегулируемых организациях” в связи с принятием Федерального закона “Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”» предусматривают особый правовой статус международного коммерческого арбитража на тер-

ритории России. В законодательство были внесены изменения, учитывающие тенденции развития международного коммерческого арбитража, отвечающие требованиям современной мировой экономики.

Актуальность темы также обусловлена появлением таких важных международных актов, как Регламент ЕС Европейского парламента и Совета № 593/2008 от 17 июня 2006 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (Рим 1) и Принципы о выборе права, применимого к международным коммерческим договорам, 2015 г. (Гагские принципы).

Проблемы, возникающие в ходе разрешения внешнеэкономических споров, весьма многообразны. При этом первостепенное значение имеет определение подлежащего применению права к отношениям, вытекающим из международных экономических сделок.

В настоящей статье рассматриваются два аспекта данной проблемы: применение негосударственных источников и международных договоров в практике разрешения внешнеэкономических споров (на при-

мере Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988 г.).

Применение негосударственных источников в практике разрешения внешнеэкономических споров. В регулировании международных экономических отношений, участниками которых являются юридические лица и граждане разной государственной принадлежности, подчиняющиеся в силу этого различным правовым порядкам, первостепенное значение имеет определение применимого к этим отношениям права. Автономия воли сторон подчинить договор избранному ими правовому порядку относится к числу основных принципов современного международного частного права¹. Этот принцип закреплен в законодательстве многих стран и ряде международных договоров, регламентирующих обязательственные отношения во внешнеэкономической сфере².

Для современного этапа международного экономического сотрудничества характерным стало появление негосударственных источников регулирования — различного рода рекомендательных документов, разрабатываемых правительственными и неправительственными организациями, институтами, коллективами ученых, содержащих развернутую и детальную регламентацию договорных отношений, к которым участники трансграничных отношений могут обращаться по своему усмотрению. Это своды единообразных принципов и правил договорного права, типовые общие условия, типовые контракты, международные торговые обычаи и обыкновения, регламенты и др.³ Такие документы предоставляют сторонам дополнительные возможности для самостоятельного выбора правил, регулирующих их взаимоотношения. Необходимость их разработки объясняется тем, что действующие в настоящее время универсальные и региональные международные акты не

могут в полной мере регулировать весь спектр вопросов, возникающих между участниками международных сделок. В литературе отмечалось, что конвенции в большинстве случаев фрагментарны по своему характеру и ни одна из них не направлена на всеобъемлющую кодификацию соответствующей области права в целом; проблема дополнительного обращения к национальному законодательству и иным источникам продолжает оставаться актуальной⁴.

Тенденция развития неформального, не связывающего государства регулирования трансграничных отношений рассматривается в литературе как существенная особенность нашего времени⁵. Ссылки на эти источники все чаще можно встретить в заключаемых участниками международного коммерческого оборота трансграничных договорах. В связи с этим в практике международных арбитражных судов, а также в исследованиях по международному частному праву актуальным является вопрос о возможности обращения к неформальным регуляторам в качестве применимого права к трансграничным договорам и о соотношении этих документов с официальными нормативными актами (международными конвенциями, ратифицированными государствами, и национальным правом).

А. С. Комаров отмечает, что выбирая неформальные источники, контрагенты таким образом прямо выражают свою волю к тому, чтобы их правоотношения, вытекающие из международной сделки, не регулировались нормами, источником которых является национальная система права определенного государства⁶.

В международной арбитражной практике признание свободы сторон в выборе применимого к их договору права, включая и неформальные нормативные источники, нашло отражение в Типовом законе ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г., в п. 1 ст. 28 которого содержится положение о том, что арбитражный суд разрешает спор в соответствии с такими нормами права, которые стороны избрали в качестве применимых к существу спора. Цель состояла в том, чтобы, имея в виду решение коллизионной проблемы, возникающей при разрешении арбитражным судом международного спора, противопоставить таким образом правовые нормы, имеющие неформальные источники, но которые из-

¹ Подробнее см.: *Луниц Л. А.* Международное частное право: в 3 т. М., 2002; *Богуславский М. М.* Международное частное право. М., 2008; *Канашевский В. А.* Международное частное право: учебник. М., 2016; *Асосков А. В.* Коллизионное регулирование договорных обязательств. М., 2012.

² Подробнее см.: Проблемы унификации международного частного права / отв. ред. *А. Л. Маковский, И. О. Хлестова*. М., 2012.

³ О негосударственных источниках регулирования см.: *Вилкова Н. Г.* Договорное право в международном обороте. М., 2004; *Комаров А. С.* Применение трансграничных норм в международном коммерческом арбитраже // *Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: сб. ст. к 80-летию МКАС при ТТП РФ* / под ред. *А. А. Костина*. М., 2012. С. 176—190; *Бардина М. П.* О рассмотрении споров международным коммерческим арбитражем на основе норм, согласованных сторонами // *Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: сб. ст. к 80-летию МКАС при ТТП РФ* / под ред. *А. А. Костина, Канашевский В. А.* Международное частное право.

⁴ См.: *Базедов Ю.* Возрождение процесса унификации права: Европейское договорное право и его элементы // *Государство и право*. 2000. № 2. С. 65. На этот вопрос обращали внимание и другие ученые (см.: Проблемы унификации международного частного права. С. 190 и след.).

⁵ См.: *Berger K. P.* The Principles of European Contract Law and Concept of the “Creeping Codification” of Law // *European Review of Private Law*. 2001. Iss. 1. P. 21—34.

⁶ См.: *Комаров А. С.* Применение трансграничных норм в международном коммерческом арбитраже. С. 185—186.

брали сами стороны для разрешения своего спора, термину «право», традиционно означавшему национальное право конкретного государства⁷.

Данная формулировка была включена в регламенты ведущих международных коммерческих арбитражей, воспринята она и национальным законодательством ряда стран — Германии, Франции, Нидерландов, Швейцарии⁸.

Аналогичная норма содержится в п. 1 ст. 28 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (далее — Закон о МКА) и была включена в Регламент Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации 1995 г. (далее — МКАС) (п. 1 § 26 «Применимое право»). В настоящее время в результате проведенной реформы арбитражного законодательства с 27 января 2017 г. введены в действие Правила арбитража международных коммерческих споров⁹, в § 23 которых установлено, что третейский суд разрешает спор в соответствии с такими нормами права, которые стороны избрали в качестве применимых к существу спора. При этом любое указание на право или систему права какого-либо государства толкуется как непосредственно отсылающее к материальному праву данного государства, а не к его коллизионным нормам.

Дальнейшее расширение возможностей сторон в выборе применимого права закреплено в двух принятых сравнительно недавно документах: Регламенте ЕС № 593/2008 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (Рим I)¹⁰ и Гаагских принципах выбора применимого права к международным коммерческим договорам 2015 г.¹¹

⁷ См.: *Комаров А. С.* Применение трансграничных норм в международном коммерческом арбитраже. С. 181.

⁸ См. Арбитражный регламент МТП 2012 г. (п. 1 ст. 21), Регламент Арбитражного института Стокгольмской торговой палаты 2010 г. (ст. 22), Швейцарский регламент международного арбитража 2012 г. (ст. 33), Регламент Лондонского международного арбитражного суда (ст. 22.3) и др. Подробнее см.: *Бардина М. П.* О рассмотрении споров международным коммерческим арбитражем на основе норм, согласованных сторонами. С. 24—41.

⁹ Утв. приказом ТПП РФ от 11 января 2017 г. № 6 (приложение 4) и введены посредством депонирования в Министерство юстиции РФ.

¹⁰ Regulation (EC) № 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the Law Applicable to Contractual Obligations (Rome I) [2008] OJ. L 177/6.

¹¹ The Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts. Принятые в 2015 г. Гаагской конференцией по международному частному праву Гаагские принципы рекомендуют рассматривать в качестве руководства по «наилучшим практикам», отражающим современные тенденции развития регулирования в области применимого пра-

ва. Они содержат общие положения, которые рекомендуется инкорпорировать в национальное право. Подробнее см.: *Зыкин И. С.* Гаагские принципы о выборе применимого права к международным коммерческим договорам // Актуальные правовые аспекты современной практики международного оборота: сб. ст. / под общ. ред. *А. С. Комарова*. М., 2016. С. 73—93.

В пункте 13 преамбулы Регламента Рим I говорится, что Регламент не запрещает сторонам включать посредством ссылки в свой договор негосударственное право или международное соглашение. То есть речь здесь идет о возможности для сторон включения в свой контракт положений неформальных регуляторов, которые становятся частью контракта¹².
О возрастающей роли вненациональных источников в регулировании трансграничных отношений, расширении автономии воли сторон свидетельствует включение в Гаагские принципы ст. 3, согласно которой правом, выбранным сторонами, могут быть правовые нормы, в целом признаваемые на международном, наднациональном или региональном уровне в качестве нейтрального и сбалансированного набора правил, если только правом государства суда не предусмотрено иное. Таким образом, данная статья расширяет содержание термина «выбранное сторонами право», включая в него и неформальные документы, которые входят в более широкое понятие «нормы права»¹³.

Расширение границ действия принципа автономии воли сторон при выборе применимого к контракту права получило теоретическое обоснование в научных исследованиях, содержащих толкование понятия «нормы права». Применительно к режиму международного коммерческого арбитража этот термин трактуется многими авторами также широко: это не только нормы национального права, но и правовые нормы, разработанные на международном уровне, содержащиеся как в конвенциях, так и в аналогичных юридических текстах, которые еще не приобрели обязательной силы в качестве права определенного государства¹⁴. К ним относят общие принципы

ва. Они содержат общие положения, которые рекомендуется инкорпорировать в национальное право. Подробнее см.: *Зыкин И. С.* Гаагские принципы о выборе применимого права к международным коммерческим договорам // Актуальные правовые аспекты современной практики международного оборота: сб. ст. / под общ. ред. *А. С. Комарова*. М., 2016. С. 73—93.

¹² При анализе указанных норм в литературе высказывалось сомнение в возможности окончательного вывода о том, допускает ли Регламент применение вненациональных источников исключительно путем их инкорпорации в текст контракта либо возможен их выбор в качестве применимого права. Подробнее см.: *Асосков А. В.* Право, применимое к договорным обязательствам: европейская реформа и российское международное частное право // Вестник гражданского права. 2009. № 2; *Канашевский В. А.* Международное частное право. С. 343.

¹³ Подробнее см.: *Зыкин И. С.* Указ. соч. С. 82 и след.

¹⁴ См.: *Комаров А. С.* Комментарий к ст. 1186 ГК РФ // Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. *А. Л. Маковского, Е. А. Суханова*. М., 2002. С. 307; *Бардина М. П.* Указ. соч. С. 27 и след.; *Канашевский В. А.* Международное частное право. С. 961—962;

права, *lex mercatoria*, принципы и понятия, отраженные в международных конвенциях, или иные принципы, такие как Принципы УНИДРУА. Однако высказываются и противоположные мнения¹⁵.

Представляется, что проблема заключается не в признании целесообразности применения названных актов (она не отрицается), а в определении правового статуса этих документов, выделения их в качестве одного из обособленных видов применимого права, в отношении выбора которых действует принцип автономии воли сторон.

Наиболее часто участники внешнеэкономических отношений, а также международные арбитражные суды при выборе неформальных источников в качестве применимого к контрактам права обращаются к Принципам международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА), содержащим свод норм о международных коммерческих договорах¹⁶.

В преамбуле Принципов УНИДРУА сказано, что они устанавливают общие нормы для международных коммерческих договоров, а далее указывается несколько направлений (вариантов) их использования.

Принципы УНИДРУА прежде всего подлежат применению, если стороны согласились, что их договор будет регулироваться этим актом.

В тех случаях, когда спор рассматривается международным коммерческим арбитражем, воспринявшим положение ст. 28 Типового закона ЮНСИТРАЛ, Принципы УНИДРУА, применение которых согласовано сторонами, определялись при рассмотрении споров по существу по отдельным делам как применимое право в отличие от рассмотрения спора арбитражным судом, где Принципы в этом случае остаются договорными условиями, подчиненными применимому в соответствии с нормами международного частного права национальному праву¹⁷.

Blessing M. Introduction to Arbitration — Swiss and International Perspectives. Part 2. Basel; Frankfurt am Main, 1999. P. 226; *Holzmann H., Neuhaus J.* Guide to the UNCITRAL Model Law International Commercial Arbitration. Deventer, Netherlands, 1989. P. 768; *Vogenauer S.* Commentary on the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (PICC). Oxford, 2015; *Viscasillas P. P.* Interpretation and Gap-Filling under the CISG Contrast and Convergence with UNIDROIT Principles // Uniform Law Review. 2017. Vol. 22. Iss. 1. P. 4—28; *Fontaine M.* The International “Rayonnement” of the UNIDROIT Principles // Uniform Law Review. 2017. Vol. 22. Iss. 1. P. 202—212.

¹⁵ См.: *Содерлунд К.* Законы об арбитраже Швеции, Англии и России: сравнительный обзор // Законодательство и экономика. 2004. № 4. С. 98.

¹⁶ Подробнее см.: *Вилкова Н. Г.* Указ. соч. С. 206 и след.; *Шестакова М. П.* Тенденции развития правового регулирования международной купли-продажи // Журнал российского права. 2013. № 4. С. 78—91.

¹⁷ Подробнее см.: *Бардина М. П.* Основание применения Принципов УНИДРУА при разрешении международных

При рассмотрении спора в МКАС¹⁸ состав арбитража установил: в контракте стороны предусмотрели, что «все споры, возникающие из или в связи с этим контрактом, включая любой вопрос, касающийся его заключения, действительности или прекращения, будут разрешаться в соответствии с Принципами международных коммерческих договоров УНИДРУА (2004), дополненными в случае необходимости положениями материального права России». В заседании МКАС истец подтвердил, что Принципы УНИДРУА в данном деле являются нормами применимого права. Основываясь на положении ст. 28 Закона о МКА, состав арбитража признал Принципы УНИДРУА в качестве основного регулятора отношений сторон по данному контракту. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее — Венская конвенция) и нормы российского гражданского законодательства были признаны подлежащими применению в качестве субсидиарного статута.

Принципы УНИДРУА могут применяться, когда стороны согласились, что их договор будет регулироваться общими принципами права, *lex mercatoria* или аналогичными положениями. В арбитражной практике Принципы УНИДРУА в таких случаях нередко применяются в качестве действующих в международной торговле обычаев, сводов общих принципов *lex mercatoria*, как рекомендуемый и необязательный регулятор, содержащий регламентацию общих вопросов исполнения контрактных обязательств международного характера¹⁹.

По одному из дел Международный арбитражный суд при Международной торговой палате, установив, что стороны в заключенном контракте договорились о применении к их отношениям общих принципов права, признал, что при разрешении спора следует руководствоваться Принципами УНИДРУА. В решении по другому делу тот же Суд указал, что «Принципы УНИДРУА являются надежным источником международного коммерческого права, поскольку, по сути, представляют собой свод руководящих принципов, получивших всеобщее признание. Кроме того, они отражают ключевые понятия, которые постоянно используются в арбитражной практике»²⁰.

коммерческих споров по существу спора // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота: сб. ст. / под общ. ред. А. С. Комарова. М., 2016. С. 6 и след.

¹⁸ Дело № 166/2012.

¹⁹ См., например, дела № 83/2008, № 148/2008, № 173/2011, рассмотренные МКАС.

²⁰ См.: *Дроздов-Тихомиров А.* Правовые принципы как источник неформального регулирования международных коммерческих договоров // Международное публичное и частное право. 2009. № 6. С. 26.

Рассматривая спор между российской и немецкой компаниями, МКАС установил, что в договоре стороны согласовали условие о том, что споры подлежат разрешению на основе общих принципов права *lex mercatoria* и все условия, не предусмотренные указанным договором, регулируются законодательством Германии и Российской Федерации. Арбитры пришли к выводу, что сторонами не осуществлен выбор права конкретного государства. Исходя из того что для разрешения спора достаточно использования общих принципов *lex mercatoria* и условий договора, состав арбитража решил руководствоваться Принципами УНИДРУА и условиями заключенного сторонами договора²¹.

Принципы УНИДРУА могут использоваться и в случаях, когда стороны не выбрали право, применимое к их договору. Включение этого положения в новые редакции Принципов (2004 и 2010 гг.) дало основание ряду авторов сделать вывод о закреплении возможности использования Принципов УНИДРУА в качестве «права, регулирующего контракт», обосновывая это, в частности, ситуациями, когда национальное право не может быть определено на основании применимых коллизионных норм²².

В практике МКАС имеются примеры различного подхода арбитражного суда при решении подобных дел. В одних случаях определяющими признавались критерии применимости Принципов УНИДРУА, содержащиеся в их преамбуле. В других случаях арбитры отказывались применять Принципы УНИДРУА, даже если одна из сторон ходатайствовала о применении конкретных положений Принципов²³.

Решая вопрос о применимом праве в споре между российской фирмой и компанией из Гонконга, коллегия арбитров МКАС основывалась на авторитете Принципов УНИДРУА, активного использования их деловыми партнерами различных стран во внешнеэкономической практике.

Заключенный сторонами контракт не содержал условия о применимом праве. По мнению истца, применимыми к существу спора должны быть материальное право Российской Федерации, а также Венская конвенция 1980 г.

²¹ Дело № 11/2002. Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2001—2002 гг. / сост. М. Г. Розенберг. М., 2004. С. 353.

²² Подробнее см.: *Канашевский В. А.* Международное частное право. С. 79 и след.

²³ Подробнее см.: *Розенберг М. Г.* Некоторые актуальные вопросы применения иностранного гражданского права российскими судами // *Хозяйство и право.* 2003. № 2. С. 127; *Вестник международного коммерческого арбитража.* 2008. № 1. С. 112; *Жильцов А. Н.* Применение раздела VI части третьей ГК РФ в практике МКАС при ТПП РФ // *Вестник международного коммерческого арбитража.* 2014. № 2.

Арбитражный суд не согласился с доводами истца. Принимая во внимание, что местом заключения контракта является Российская Федерация, суд посчитал возможным использовать положения ст. 1211 ГК РФ, в соответствии с условиями которой подлежащим применению правом к рассматриваемым правоотношениям было признано материальное право страны продавца — Специального административного района «Гонконг» Китайской Народной Республики. Несмотря на то что Гонконг входит в состав КНР, данная юрисдикция обладает значительной автономией: собственными законами, а также правовой, денежной, таможенной и эмиграционной системами. Международные договоры и соглашения действуют в Гонконге после их ратификации. Поскольку информацией о ратификации Гонконгом Венской конвенции коллегия арбитров не располагала, она пришла к выводу о неприменимости Венской конвенции к существу данного спора.

Исходя из смысла ст. 28 Закона о МКА арбитражный суд пришел к выводу о том, что к отношениям сторон подлежат применению нормы Принципов УНИДРУА. При этом было отмечено, что Принципы УНИДРУА являются одним из общепризнанных источников международного частного права и представляют собой свод норм договорного права, являющихся общими для существующих национальных правовых систем, а также для международных коммерческих договоров (дело № 17/2017).

Принципы УНИДРУА используются также при необходимости толкования и восполнения международных унифицированных правовых актов, а также национального законодательства.

Так, в деле № 111/2011, рассмотренном МКАС, состав арбитража применил Принципы УНИДРУА для толкования положений как Венской конвенции, так и применимого итальянского законодательства²⁴.

В практике МКАС Принципы УНИДРУА нередко используются для восполнения отдельных вопросов, которые были предметом обсуждения при разработке Венской конвенции, но не нашли в ней отражения. Примером может служить обращение к Принципам УНИДРУА, когда встает вопрос о взыскании процентов за просрочку исполнения денежного обязательства. Предусмотрев такую возможность в ст. 78, Венская конвенция не определяет размер этих процентов и период, в течение которого они подлежат уплате. Арбитражные суды в таких случаях применяют п. 2 ст. 7.4.9 Принципов, в котором содержится подробное регулирование данного вопроса²⁵.

В другом деле Принципы УНИДРУА также были применены для восполнения положений Венской конвенции. Поскольку в Конвенции отсутствуют нормы,

²⁴ *Вестник международного коммерческого арбитража.* 2012. № 2. С. 231.

²⁵ См., например, дело № 11/2009.

регулирующие порядок доказывания качества поставленного товара, состав арбитров, ссылаясь на положение преамбулы Принципов об их использовании для толкования и восполнения международных унифицированных правовых документов, к которым относятся и Венская конвенция, признал применимыми для восполнения Венской конвенции ст. 1.7 и 5.3 Принципов УНИДРУА (дело № 177/2012)²⁶.

Одним из направлений является возможное использование Принципов УНИДРУА в качестве модели для национальных и международных законодателей. В этих случаях избранные положения Принципов могут приобретать характер норм национального законодательства либо норм международного права.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что предусмотренная в Принципах многовариантность их применения имеет большое практическое значение при определении правового режима осуществления международных коммерческих сделок, она явилась одной из причин широкого признания Принципов в качестве важного источника регулирования транснациональных коммерческих сделок²⁷.

Сфера применения Принципов УНИДРУА расширяется. Есть примеры ссылок на Принципы и в решениях государственных арбитражных судов, рассматривающих споры между российскими организациями²⁸.

Отмечая позитивное значение и роль неформальных источников в регулировании международных экономических отношений, а также перспективы дальнейшего расширения круга источников возможного выбора применимого к транснациональным договорам права, следует признать, что применение их на практике в настоящее время еще сталкивается с определенными трудностями. Даже для использования такого известного и авторитетного документа, как Принципы УНИДРУА в качестве применимого к договору права необходимо, как уже отмечалось, соблюдение ряда условий.

В связи с этим вряд ли можно согласиться с утверждением некоторых исследователей *lex mercatoria* о признании неформальных источников —

международных торговых обычаев, обыкновений, типовых контрактов, проформ и т. д. «самодостаточными регуляторами», своеобразными «источниками права», подлежащими применению к международным коммерческим сделкам вместо национального права какого-либо государства.

Справедливой представляется позиция авторов, считающих, что применение международных торговых обычаев, транснациональных кодификаций, типовых договоров и прочих актов, которые подпадают под определение «негосударственное регулирование», не может на данном этапе в большинстве случаев отменить применение к отношениям сторон международных сделок национального законодательства и положений действующих международных актов²⁹. А. С. Комаров отмечает, что ссылки на такие источники неформального регулирования, как *lex mercatoria*, «общие принципы права» и др. делают такой выбор более уязвимым, прежде всего в результате отсутствия в таких случаях необходимой правовой определенности³⁰.

Таким образом, на современном этапе акты негосударственного регулирования не могут в полной мере заменить национальное законодательство и положения унифицированных международных актов и применяются, как правило, в качестве субсидиарного статута, когда какой-либо вопрос не может быть решен с помощью национального права либо в качестве договорного условия.

Применение международных договоров в практике разрешения внешнеэкономических споров (на примере Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988 г.). При рассмотрении внешнеэкономических споров нередко возникают вопросы, связанные с применением к отношениям сторон положений международных договоров. В правовой литературе, посвященной практике рассмотрения споров в международном коммерческом арбитраже, справедливо отмечалось, что применение конкретного международного договора зависит от различных критериев: участия в таком международном договоре государств местонахождения сторон спора; сферы применения международного договора; степени обязательности норм международного договора; вступления в силу международного договора для конкретного государства³¹.

²⁶ См.: Жильцов А. Н. Применение раздела VI части третьей ГК РФ в практике МКАС при ТПП РФ.

²⁷ Подробнее см.: Комаров А. С. Принципы УНИДРУА как источник трансграничных национальных норм права о международных коммерческих договорах. Вступительная статья // Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / пер. с англ. А. С. Комарова. М., 2013.

²⁸ См., например, дела № А40-26256/16 и № А40-42441/18, рассмотренные Арбитражным судом г. Москвы; постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 ноября 2018 г. № 09АП-55680/2018 и от 23 марта 2017 г. № 09АП-4612/2017; решение по делу № 782-1070/2010 Арбитражного суда Волго-Вятского округа и др.

²⁹ Подробнее см.: Канашевский В. А. Международные сделки: правовое регулирование. М., 2016. С. 135 и след.

³⁰ См.: Комаров А. С. Применение трансграничных норм в международном коммерческом арбитраже. С. 185.

³¹ Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2007—2008 гг. / сост. М. Г. Розенберг. М., 2010. С. 23; Жильцов А. Н. Обзор практики Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации за 2014—2015 гг. // Практика МКАС при ТПП РФ: 2004—2016: к 85-летию МКАС (на

В последние годы эти вопросы нередко возникали в связи с применением Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988 г. (далее — Конвенция УНИДРУА)³². Как показывает практика, одной из основных проблем является определение сферы ее применения. В значительной степени это связано с особенностью правовой конструкции международного финансового лизинга: используемый в предпринимательской деятельности для привлечения финансирования в производственную сферу, лизинг основан на взаимобусловленных обязательствах «арендного» типа и купли-продажи.

Комментаторы Конвенции УНИДРУА в свое время отмечали, что ее принятие было обусловлено тем, что в законодательстве большинства правовых систем не выделялись отличительные особенности договора финансового лизинга, в частности, его «трехсторонний характер»³³, при этом регулирование базировалось на традиционных арендных отношениях, из которых данный договор и вырос.

Дискуссии относительно того, является ли финансовая аренда (лизинг) двусторонней сделкой, либо необходимо учитывать своеобразие правовой конструкции лизинга, предполагающее его рассмотрение в рамках «трехсторонних отношений», продолжают вестись в отечественной литературе и сейчас, принимая во внимание регулирование в российском гражданском кодексе финансового лизинга в качестве разновидности договора аренды, а не в качестве самостоятельного предпринимательского договора³⁴. Отсутствует единый

подход к квалификации договора лизинга и в зарубежном праве³⁵.

Согласно п. 2 ст. 1 Конвенции УНИДРУА сделка финансового лизинга включает следующие характеристики: арендатор (лизингополучатель) определяет оборудование и выбирает поставщика, «не полагаясь в первую очередь на опыт и суждение арендодателя»; оборудование приобретает арендодателем (лизингодателем) в связи с договором лизинга, который («и поставщик осведомлен об этом») заключен или должен быть заключен между арендодателем и арендатором.

Таким образом, при определении правовой природы отношений международного финансового лизинга, охватываемых Конвенцией УНИДРУА с учетом заложенной в ней «трехсторонней» конструкции, данные отношения можно охарактеризовать как сделку, оформляемую двумя видами взаимосвязанных договоров — договором лизинга и договором купли-продажи³⁶.

Исходя из «трехсторонних» отношений, вытекающих из лизинговых отношений, в Конвенции УНИДРУА определена сфера ее применения.

В правовой литературе, посвященной унификации правовых норм в области международного коммерческого оборота, обращалось внимание на явное влияние на формирование многих положений международных договоров (прежде всего определяющих сферу их применения), Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.³⁷

Эти процессы «заимствования» прослеживаются и в соответствующих положениях Конвенции УНИДРУА, определяющих сферу ее применения. В частности, охватываемые лизингом отношения должны носить международный характер, т. е. участники должны находиться в разных государствах. Предусматривается «непосредственное» применение Конвенции УНИДРУА в силу принадлежности сторон к участвующим в Конвенции государствам, и в этом случае не требуется согласия этих сторон. Основанием для ее применения может служить также соглашение сторон о применении права государ-

---

основе анонимизированных материалов из журналов «Международный коммерческий арбитраж» и «Вестник международного коммерческого арбитража») / науч. ред. и сост. А. Н. Жильцов, А. И. Муранов. М., 2017. С. 130.

³² Подписана в г. Оттаве 28 мая 1988 г. Участниками Конвенции являются Белоруссия, Венгрия, Гана, Гвинея, Италия, Латвия, Нигерия, Панама, Узбекистан, Украина, Франция. Россия является участницей Конвенции после ее ратификации на основании Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 16-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге».

³³ См.: *Good R., Kronke H., McKendrick E.* Transnational Commercial Law. Text, Cases, and Materials. Oxford, 2007. P. 390.

³⁴ См., например: *Юсева Ю. В.* Понятие финансовой аренды и ее регулирование в международном частном праве // Актуальные проблемы гражданского права. Вып. 5. М., 2002. С. 494; *Медников В.* Лизинг в международном праве // Закон. 1999. № 8. С. 40; *Мажорина М. В.* Выбор применимого права к трансграничным смешанным и непоименованным договорам // Журнал российского права. 2012. № 10. С. 78; *Канашевский В. А.* Международные сделки: правовое регулирование. С. 455; *Канашевский В. А.* Международное частное право: учебник. 3-е изд. М., 2016. С. 560—561; *Брагинский М. И.,*

Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: договоры о передаче имущества. 2-е изд. М., 2000.

³⁵ Об этом см., например: *Кабатова Е. В.* Лизинг: правовое регулирование, практика. М., 1997. С. 32; *Москвина А. В.* Особенности квалификации лизинга // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 7; *Теплов Н. В.* Лизинг сквозь призму статьи 670 ГК РФ // Закон. 2012. № 7; *Канашевский В. А.* Международные сделки: правовое регулирование. С. 454.

³⁶ См.: *Международное частное право: учебник* / отв. ред. *Н. И. Марышева.* 4-е изд. М., 2018. С. 375; *Отдельные виды обязательств в международном частном праве: монография.* 2-е изд. М., 2014. С. 104.

³⁷ Об этом см. *Вилкова Н. Г.* Указ. соч. С. 171.

ства — участника Конвенции или его определение судом путем использования коллизионной привязки.

С учетом специфики отношений лизинга в Конвенции УНИДРУА предусматривается распространение указанных положений как на отношения, вытекающие из договора лизинга, так и на связанные с ними отношения купли-продажи.

Согласно п. 1 ст. 3 Конвенция применяется, когда коммерческие предприятия лизингодателя (арендодателя) и лизингополучателя (арендатора) находятся в разных государствах и при этом: а) данные государства, а также государство, в котором поставщик имеет свое коммерческое предприятие, являются участниками Конвенции; или б) как договор поставки, так и договор лизинга регулируются правом одного из государств — участников Конвенции.

Однако даже при наличии этих условий применение Конвенции может быть исключено, если каждая из сторон договора лизинга и договора поставки согласна на такое исключение. Стороны также вправе в своих взаимоотношениях отступить от тех или иных положений Конвенции или вносить изменения в «возможные их последствия» (ст. 5) и т. д.

В практике разрешения споров возникали вопросы, связанные с определением сферы применения Конвенции УНИДРУА на основании подп. «а» и «б» п. 1 ст. 3, как в тех случаях, когда это касалось отношений, вытекающих из договора международного лизинга, так и отношений, вытекающих из договора международной купли-продажи.

Так, при рассмотрении спора, вытекающего из договора финансового лизинга, МКАС признал применимыми положения Конвенции УНИДРУА, а в части, не урегулированной Конвенцией, — право Российской Федерации. При этом было принято во внимание, что коммерческие предприятия истца и ответчика находились в России и в США, стороны договора в качестве применимого выбрали российское право, включая положения международных договоров Российской Федерации (на основании ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ст. 7 ГК РФ), а к договору купли-продажи оборудования также применялось российское право в соответствии с коллизионной нормой ст. 1211 ГК РФ. Поскольку стороны не дали согласия на исключение в соответствии со ст. 5 Конвенции о лизинге ее применения, МКАС пришел к выводу о применении к отношениям сторон положений этой Конвенции³⁸.

При рассмотрении другого спора арбитры констатировали, что, руководствуясь принципом автономии воли, стороны договора лизинга (российская и нидерландская компании) подчинили отношения между ними российскому праву и что Российская Федерация участвует в Конвенции УНИДРУА. Вместе с

тем, анализируя п. 1 ст. 3 данной Конвенции, арбитры пришли к выводу, что положения указанной конвенции в данном случае неприменимы. При этом было принято во внимание, что Нидерланды, равно как Германия, из которой поставлялся предмет лизинга, не являлись участниками Конвенции, а договор поставки предмета лизинга, заключенный истцом (компанией из Нидерландов) и продавцом из Германии, не регулируется правом государства — участника Конвенции³⁹.

Несмотря на четкие критерии, установленные в ст. 3 для определения сферы применения Конвенции УНИДРУА, из практики разрешения споров в арбитражных судах (как в государственных арбитражных судах, так и в международном коммерческом арбитраже) видно, что стороны нередко ссылались на ее применение даже в тех случаях, когда договор лизинга не носил международный характер и был заключен между российскими коммерческими предприятиями либо связанные с лизингом отношения купли-продажи не подпадали под сферу применения Конвенции, определенную подп. «б» п. 1 ст. 3⁴⁰.

Впервые получивший правовую регламентацию на международном уровне в Конвенции УНИДРУА, финансовый лизинг стал предметом регулирования и других международных договоров, таких как Конвенция о межгосударственном лизинге 1998 г.⁴¹, а также Конвенция УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001 г.⁴² (далее — Кейптаунская конвенция), рассматривающих лизинг в первом случае как договорную форму осуществления инвестиций, во втором — как особого рода обеспечительную сделку.

Множественность международно-правовых актов, направленных на регулирование сходных отношений, вызывает необходимость определения в каждом конкретном случае, будет ли применяться Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988 г. или иной принятый в этой области международный договор.

³⁹ Дело № 94/2013. Практика МКАС при ТПП РФ: 2004—2016: к 85-летию МКАС. С. 1060.

⁴⁰ См., например, определение ВАС РФ от 25 ноября 2013 г. № ВАС-16439/13 по делу № А40-51127/12-114-475; определение ВС РФ от 5 ноября 2013 г. № 48-КГ13-5; решение МКАС при ТПП РФ от 6 ноября 2008 г. по делу №133/2007; определение Московского городского суда от 20 марта 2018 г. № 4Г-4213/2018.

⁴¹ По состоянию на 12 ноября 2018 г. участниками Конвенции являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Таджикистан, Кыргызская Республика.

⁴² Участниками Конвенции являются более 70 государств. Россия является участницей Конвенции после присоединения к ней на основании Федерального закона от 23 декабря 2010 г. № 361-ФЗ.

³⁸ Дело № 152/2004.

Так, в Кейптаунской конвенции и Протоколе об авиационном оборудовании к ней⁴³ этот вопрос решен исходя из особого («наднационального») характера регулирования, позволяющих рассматривать указанные Конвенцию и Протокол как правовые акты «специального» регулирования (*lex specialis*). Принятие данной Конвенции и протоколов⁴⁴ к ней было обусловлено необходимостью привлечения финансирования в производственную сферу в целях приобретения и эффективного использования оборудования особого рода («однозначно идентифицируемых объектов») с помощью так называемых «обеспечительных сделок», к числу которых отнесены финансовый лизинг, залоговые сделки, а также продажа с резервированием права собственности⁴⁵.

Принимая во внимание специальный характер регулирования, в соответствии с указанными международными документами установлено, что они «заменяют Конвенцию УНИДРУА о международном лизинге 1988 года» в части, касающейся авиационных объектов (ст. 46 Кейптаунской конвенции и ст. XXV Протокола об авиационном оборудовании к данной Конвенции).

В то же время Конвенция о межгосударственном лизинге 1998 г., принятая в рамках Содружества Независимых Государств (далее — Конвенция СНГ), содержит общее положение, согласно которому данная Конвенция не затрагивает действия других международных договоров (ст. 17).

Следует отметить, что аналогичное положение содержится в ст. 16 Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988 г., в связи с чем возникает вопрос, какой из этих международно-правовых актов подлежит применению, если совпадают сферы их действия.

В литературе высказывалось мнение, что при совпадении сферы действия конвенций в первоочередном порядке следует применять Конвенцию УНИДРУА, поскольку в преамбуле Конвенции СНГ

сказано, что она исходит из положений Конвенции УНИДРУА⁴⁶.

Представляется, что в случаях совпадения сферы действия этих двух конвенций приоритет должен быть отдан Конвенции о межгосударственном лизинге 1998 г., принимая во внимание специальную направленность содержащихся в ней положений, предусматривающих прежде всего сотрудничество в рамках регионального объединения: «углубление экономического сотрудничества государств Содружества», «создание благоприятных условий для всестороннего развития межгосударственного лизинга между государствами Содружества на взаимовыгодной основе», «всемерное развитие межгосударственных актов в области инвестиционной деятельности» и др.⁴⁷

О специальном характере регулирования свидетельствуют многие положения данной Конвенции. Согласно ст. 5 Конвенции СНГ «Область применения» «нормы и правила, установленные настоящей Конвенцией, применяются только в том случае, если осуществление лизинговых проектов ведут лизинговые компании и хозяйствующие субъекты не менее двух государств — участников Конвенции» (п. 5.1).

Предметом регулирования Конвенции СНГ, помимо финансового лизинга, являются лизинг операционный, возвратный, компенсационный, бартерный (если только это предусмотрено национальным законодательством). Поскольку Конвенция направлена на развитие инвестиционной деятельности в рамках стран СНГ, в ней содержатся также нормы публично-правового характера, предусматривающие, в частности, получение лизингодателем лицензии в соответствии с национальным законодательством участвующего в Конвенции государства, различного рода гарантии (от изменений национального законодательства, имущественной неприкосновенности, гарантии перевода прибыли и других сумм за границу) и т. д.

Принимая во внимание положения подп. «б» п. 1 ст. 3 Конвенции УНИДРУА, охватывающие при определении сферы ее применения связанные с лизингом отношения купли-продажи, также возникал вопрос, подлежат ли применению к отношениям купли-продажи предоставляемого в лизинг оборудования нормы Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.

В правовой доктрине существует мнение, что квалификация договора международного лизинга в качестве совокупности двух договоров не позволяет применять к соответствующему договору международной купли-продажи положения Венской конвенции 1980 г.

⁴⁶ См.: *Канашевский В. А.* Международное частное право. С. 567; *Канашевский В. А.* Международные сделки: правовое регулирование. С. 452.

⁴⁷ См. преамбулу к Конвенции о межгосударственном лизинге 1998 г.

⁴³ Данный Протокол вступил в силу с 1 марта 2006 г. Его участниками являются государства, которые участвуют в Конвенции, включая Россию.

⁴⁴ Протокол по железнодорожному подвижному оборудованию к Конвенции 2007 г. и Протокол по космическим средствам к Конвенции 2012 г. В силу не вступили.

⁴⁵ Об этом см.: *Кувшинов В. А.* Кейптаунская конвенция о международных имущественных правах на подвижное оборудование 2001 г. и Протокол по авиационному оборудованию к этой Конвенции // Государство и право. 2003. № 2. С. 75; *Лазарева Т. П.* Международно-правовое регулирование обеспечительных сделок: Конвенция УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования // Журнал российского права. 2006. № 11. С. 85. См. также: *Международное частное право* / отв. ред. *Н. И. Марышева*. С. 375; *Отдельные виды обязательств в международном частном праве*. С. 110.

Обосновывается этот вывод тем, что «хотя по договору лизинга арендатор приобретает определенные права в отношении продавца, он не является стороной договора купли-продажи». Кроме того, указывалось, что по смыслу Венской конвенции 1980 г. в намерения ее составителей «явно не входило расширение ее действия на договоры поставки оборудования, осуществляемые в рамках договора лизинга»⁴⁸.

Поддерживая в целом данный вывод, вместе с тем следует признать, что на практике данный вопрос решается неоднозначно. Так, при разрешении споров, вытекающих из договоров международной купли-продажи товаров, связанных с лизинговыми отношениями, нередко применялись положения Венской конвенции. При этом учитывалось, что данная Конвенция основана на принципе автономии воли, а ее нормы носят диспозитивный характер. Соответственно, положения Венской конвенции применялись в тех случаях, когда в договоре содержались прямые ссылки на нее, т. е. учитывалось волеизъявление сторон.

Так, в правовых исследованиях приводился пример, когда между канадской фирмой (продавцом) и двумя российскими организациями — покупателем (лизингодателем) и получателем (лизингополучателем) был заключен контракт международной купли-продажи оборудования, в котором предусматривалось право лизингополучателя предъявлять непосредственно продавцу требования, связанные с нарушением срока поставки оборудования.

Арбитры, приняв во внимание условие контракта, в котором предусматривалось, что «все, что не установлено настоящим контрактом, подпадает под действие принципов, изложенных в Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров, принятой в Вене в 1980 г.», признали подлежащей применению к данному контракту Венскую конвенцию⁴⁹.

При рассмотрении другого спора суд применил Венскую конвенцию, принимая во внимание, что стороны контракта международной купли-продажи подчинили свои отношения праву страны, участвующей в Венской конвенции (право Украины), и при этом согласно условиям такого контракта предусматривалось право лизингополучателя предъявлять поставщику требования, относящиеся к поставляемому оборудованию⁵⁰.

⁴⁸ Канашевский В. А. Международные сделки: правовое регулирование. С. 455.

⁴⁹ См.: Розенберг М. Г. Из практики МКАС при ТПП РФ // Хозяйство и право. 2009. № 3. С. 106—110.

⁵⁰ См. также: Решение МКАС при ТПП РФ от 21 июля 2008 г. по делу № 139/2007. Практика МКАС при ТПП РФ: 2004—2016: к 85-летию МКАС. С. 527.

Интерес представляет дело, рассмотренное в порядке пересмотра решений нижестоящих судов Федеральным арбитражным судом Московского округа по спору, вытекающему из договора международного финансового лизинга. Как следовало из обстоятельств дела, в соответствии с договором международного долгосрочного финансового лизинга приобретаемое по договору международной купли-продажи лизингодателем оборудование подлежало оплате лизингодателем поставщику в счет арендных платежей лизингополучателя, который путем погашения платежей становился собственником переданного ему оборудования.

Поскольку лизингополучатель перестал выплачивать платежи, лизингодатель поставил вопрос о расторжении договора международного лизинга, что повлекло возврат оборудования поставщику.

Учитывая, что договор международного финансового лизинга в своем приложении содержал ссылку на применение к связанным с лизингом отношениям купли-продажи Венской конвенции, при рассмотрении спора суды, ссылаясь на соответствующие условия о прекращении договора лизинга, а также на п. 1 ст. 64 и другие положения Венской конвенции, удовлетворили требование истца о расторжении договора и о возврате переданного по договору лизинга оборудования. Вынесенные судами решения были оставлены в силе⁵¹.

«Выросший» из договора аренды, международный финансовый лизинг в Конвенции УНИДРУА изначально рассматривался как особый вид предпринимательской деятельности. Соответственно, в сферу действия Конвенции УНИДРУА входят лишь сделки коммерческого характера. В Конвенции предпринимательский характер регулируемых ею отношений «косвенно» определяется в п. 4 ст. 1, в соответствии с которым Конвенция применяется к сделкам финансового лизинга на любое оборудование, за исключением того, которое должно быть использовано в основном «для личных, семейных или домашних целей».

На это же указывают и другие содержащиеся в Конвенции положения, из которых, в частности, следует, что предметом финансового лизинга является имущество (оборудование), такое как: производственное оборудование, включая комплектующие и средства производства, транспортные средства и их принадлежности, морские и воздушные суда, авиационные двигатели, а также оборудование, тесно связанное с недвижимым имуществом и являющееся «принадлежностью земельного участка» либо «присоединенным к земельному участку» имуществом (ст. 1, 4, 7).

⁵¹ См. постановление ФАС Московского округа от 27 июля 2009 г. № КГ-А40-/4257-09 по делу № А40-13335/08-25-143.

Отметим, что Модельный закон УНИДРУА о лизинге⁵², принятый на основе Конвенции УНИДРУА, более определенно говорит о предпринимательском характере договора международного финансового лизинга.

Как следует из преамбулы к Модельному закону, закрепленный в Конвенции УНИДРУА правовой режим явился «отправной точкой» для его принятия. В статье 1 «Сфера применения» Модельного закона определено, что закон применяется ко всем договорам аренды имущества, находящегося на территории государства, «с которым наиболее тесно связана коммерческая деятельность арендатора либо согласно положениям договора применимо право данного государства». В статье 2 «Имущество» дается определение понятия сдаваемого в лизинг имущества как «любого имущества, используемого в профессиональной, торговой или предпринимательской деятельности арендатора, включая недвижимое имущество, средства производства, оборудование, имущество, приобретенное впоследствии, специально произведенное имущество» и др.

«Косвенное» указание в Конвенции УНИДРУА на предпринимательский характер отношений, регулируемых Конвенцией, в практике рассмотрения споров в ряде случаев приводит к расширительному толкованию норм о сфере ее применения. В аспекте изложенного представляет интерес дело, рассмотренное Верховным Судом РФ по кассационной жалобе лизинговой компании на определение судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда.

Между гражданкой Ш. и лизинговой компанией был заключен договор возвратного лизинга жилого помещения, по условиям которого лизинговая компания (лизингодатель) приняла на себя обязательство приобрести по поручению гражданки Ш. (лизингополучатель) жилой дом с предоставлением его в аренду с последующим выкупом, а гражданка Ш. приняла на себя обязательство выплачивать лизингодателю арендные платежи.

Судебная коллегия по гражданским делам Челябинского областного суда, отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение, пришла к выводу о необходимости применения к спорным правоотношениям положений Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988 г.

Признавая применение Конвенции УНИДРУА к данным правоотношениям ошибочным (принимая во внимание, что предметом лизинга являлся жилой дом, а участником лизинга — физическое лицо), Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ учитывала п. 4 ст. 1 Конвенции. В обоснование вывода о предпри-

нимательском характере отношений, урегулированных Конвенцией, суд также сослался на Модельный закон о лизинге УНИДРУА 2008 г., являющийся образцом для принятия странами национального законодательства в этой области⁵³.

Принимая во внимание, что Конвенция УНИДРУА исходит из конструкции «трехсторонних» отношений лизинга, в отличие от института аренды, в рамках которого в Гражданском кодексе РФ (§ 6 гл. 34) рассматривается финансовая аренда (лизинг), возникает вопрос о сфере применения коллизионной нормы ст. 1211 ГК РФ, направленной на регулирование арендных отношений, осложненных иностранным элементом.

В частности, будет ли подлежащее применению на основании данной коллизионной нормы право «распространяться на всю сделку международного лизинга, включая отношения, связанные с поставкой лизингового оборудования, или лишь непосредственно на договор лизинга»⁵⁴.

Следует согласиться с мнением, что ответ зависит от того, признается ли лизинг трехсторонней сделкой — и в этом случае подлежащее применению право распространяется также и на договор поставки, либо договор поставки и собственно договор лизинга являются самостоятельными сделками, и тогда применимое право должно определяться для договора поставки отдельно, на основании привязки к праву страны продавца⁵⁵.

Как показывает практика, в случаях, когда к отношениям международного лизинга подлежало применению российское право, международный коммерческий суд обращался к положениям Конвенции УНИДРУА как международного договора Российской Федерации, имеющего приоритет над национальными нормами (на основании ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ст. 7 ГК РФ), при условии соблюдения подп. «б» п. 1 ст. 3 Конвенции УНИДРУА⁵⁶.

Таким образом, определение сферы действия Конвенции УНИДРУА является лишь одним из возникающих в ходе разбирательства вопросов. Вместе с тем его решение связано с выяснением целого ряда обстоятельств, что свидетельствует о многоаспектности отношений международного финансового лизинга.

Изучение практики разрешения споров позволяет сделать вывод, что используемые арбитражными

⁵³ Определение ВС РФ от 5 ноября 2013 г. № 48-КГ 13-5. См. также определение Московского городского суда от 20 марта 2018 г. № 4Г-4213/2018.

⁵⁴ *Канашевский В. А.* Международные сделки: правовое регулирование. С. 453.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Решение МКАС при ТПП РФ от 9 августа 2005 г. по делу № 152/2004.

⁵² Принят 13 ноября 2008 г. на Совместной сессии Генеральной Ассамблеи УНИДРУА и Комитета правительственных экспертов УНИДРУА по окончательной доработке и принятию проекта модельного закона о лизинге.

судами подходы к определению подлежащего применению права к трансграничным договорам не отличаются единообразием. Дискуссии в этой области продолжаются в зарубежной и российской литерату-

ре. В связи с этим дальнейшее исследование проблемы выбора права, применимого к внешнеэкономическим контрактам, представляет практический и теоретический интерес.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Berger K. P. The Principles of European Contract Law and concept of the «Creeping Codification» of Law // *European Review of Private Law*. 2001. Iss. 1.
- Blessing M. Introduction to Arbitration — Swiss and International Perspectives. Part 2. Basel; Frankfurt am Main, 1999.
- Fontaine M. The International «Rayonnement» of the Unidroit Principles // *Uniform Law Review*. 2017. Vol. 22. Iss. 1.
- Good R., Kronke H., McKendrick E. *Transnational Commercial Law. Text, Cases, and Materials*. Oxford, 2007.
- Holzmann H., Neuhaus J. *Guide to the UNCITRAL Model Law International Commercial Arbitration*. Deventer, Netherlands, 1989.
- Viscasillas P. P. Interpretation and Gap-Filling under the CISG Contrast and Convergence with UNIDROIT Principles // *Uniform Law Review*. 2017. Vol. 22. Iss. 1.
- Vogenauer S. *Commentary on the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (PICC)*. Oxford, 2015.
- Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М., 2012.
- Асосков А. В. Право, применимое к договорным обязательствам: европейская реформа и российское международное частное право // *Вестник гражданского права*. 2009. № 2.
- Базедов Ю. Возрождение процесса унификации права: Европейское договорное право и его элементы // *Государство и право*. 2000. № 2.
- Бардина М. П. О рассмотрении споров международным коммерческим арбитражем на основе норм, согласованных сторонами // *Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: сб. ст. к 80-летию МКАС при ТПП РФ / под ред. А. А. Костина. М., 2012.*
- Бардина М. П. Основание применения Принципов УНИДРУА при разрешении международных коммерческих споров по существу спора // *Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота: сб. ст. / под общ. ред. А. С. Комарова. М., 2016.*
- Богуславский М. М. *Международное частное право*. М., 2008.
- Брагинский М. И., Витрянский В. В. *Договорное право. Книга вторая: договоры о передаче имущества*. 2-е изд. М., 2000.
- Вилкова Н. Г. *Договорное право в международном обороте*. М., 2004.
- Дроздов-Тихомиров А. Правовые принципы как источник неформального регулирования международных коммерческих договоров // *Международное публичное и частное право*. 2009. № 6.
- Жильцов А. Н. Обзор практики Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации за 2014—2015 гг. Практика МКАС при ТПП РФ: 2004—2016: к 85-летию МКАС (на основе анонимизированных материалов из журналов «Международный коммерческий арбитраж» и «Вестник международного коммерческого арбитража») / науч. ред. и сост. А. Н. Жильцов, А. И. Муранов. М., 2017.
- Жильцов А. Н. Применение раздела VI части третьей ГК РФ в практике МКАС при ТПП РФ // *Вестник международного коммерческого арбитража*. 2014. № 2.
- Зыкин И. С. Гаагские принципы о выборе применимого права к международным коммерческим договорам // *Актуальные правовые аспекты современной практики международного оборота: сб. ст. / под общ. ред. А. С. Комарова. М., 2016.*
- Кабатова Е. В. *Лизинг: правовое регулирование, практика*. М., 1997.
- Канашевский В. А. *Международное частное право: учебник*. 3-е изд. М., 2016.
- Канашевский В. А. *Международное частное право: учебник*. М., 2016.
- Комаров А. С. Комментарий к ст. 1186 ГК РФ // *Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. М., 2002.*
- Комаров А. С. Применение трансграничных норм в международном коммерческом арбитраже // *Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: сб. ст. к 80-летию МКАС при ТПП РФ / под ред. А. А. Костина. М., 2012.*
- Комаров А. С. Принципы УНИДРУА как источник трансграничных национальных норм права о международных коммерческих договорах. Вступительная статья // *Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / пер. с англ. А. С. Комарова. М., 2013.*
- Кувшинов В. А. Кейптаунская конвенция о международных имущественных правах на подвижное оборудование 2001 г. и Протокол по авиационному оборудованию к этой Конвенции // *Государство и право*. 2003. № 2.
- Лазарева Т. П. Международно-правовое регулирование обеспечительных сделок: Конвенция УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования // *Журнал российского права*. 2006. № 11.
- Лунц Л. А. *Международное частное право: в 3 т. М., 2002.*
- Мажорина М. В. Выбор применимого права к трансграничным смешанным и непоименованным договорам // *Журнал российского права*. 2012. № 10.
- Медников В. Лизинг в международном праве // *Закон*. 1999. № 8.

- Международное частное право: учебник / отв. ред. Н. И. Марышева. 4-е изд. М., 2018.
- Москвина А. В. Особенности квалификации лизинга // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 7.
- Отдельные виды обязательств в международном частном праве: монография. 2-е изд. М., 2014.
- Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2001—2002 гг. / сост. М. Г. Розенберг. М., 2004.
- Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2007—2008 гг. / сост. М. Г. Розенберг. М., 2010.
- Проблемы унификации международного частного права / отв. ред. А. Л. Маковский, И. О. Хлестова. М., 2012.
- Розенберг М. Г. Из практики МКАС при ТПП РФ // Хозяйство и право. 2009. № 3.
- Розенберг М. Г. Некоторые актуальные вопросы применения иностранного гражданского права российскими судами // Хозяйство и право. 2003. № 2.
- Содерлунд К. Законы об арбитраже Швеции, Англии и России: сравнительный обзор // Законодательство и экономика. 2004. № 4.
- Теплов Н. В. Лизинг сквозь призму статьи 670 ГК РФ // Закон. 2012. № 7.
- Шестакова М. П. Тенденции развития правового регулирования международной купли-продажи // Журнал российского права. 2013. № 4.
- Юсева Ю. В. Понятие финансовой аренды и ее регулирование в международном частном праве // Актуальные проблемы гражданского права. Вып. 5. М., 2002.

REFERENCES

- Asoskov A. V. Conflict-of-Laws Regulation of Contractual Obligations Moscow, 2012. 640 p. (In Russ.)
- Asoskov A. V. Law Applicable to Contractual Obligations: European Reform and Russian Private International Law. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2009, no. 2, pp. 144—187. (In Russ.)
- Bardina M. P. On the Settlement of Disputes by International Commercial Arbitration on the Basis of Rules Agreed by the Parties. *International Commercial Arbitration: Current Problems and Solutions: Collection of Articles for the 80th Anniversary of the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation*. Ed. by A. A. Kostin. Moscow, 2012. 399 p. (In Russ.)
- Bardina M. P. The Basis for the Application of the UNIDROIT Principles in the Resolution of International Commercial Disputes on the Merits of a Dispute. *Actual Legal Aspects of Modern Practice of International Commerce*. Ed. by A. S. Komarov. Moscow, 2016. 272 p. (In Russ.)
- Bazedov Yu. Revival of the Process of Unification of Law: European Treaty Law and its Elements. *Gosudarstvo i pravo*, 2000, no. 2, pp. 65—76. (In Russ.)
- Berger K. P. The Principles of European Contract Law and concept of the “Creeping Codification” of Law. *European Review of Private Law*, 2001, iss. 1, pp. 21—34.
- Blessing M. Introduction to Arbitration — Swiss and International Perspectives. Part 2. Basel; Frankfurt am Main, 1999. 320 p.
- Boguslavskiy M. M. Private International Law. Moscow, 2009. 703 p.
- Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. Contract Law. Book Two: Contracts on Transfer of Property. 2nd ed. Moscow, 2000. 795 p. (In Russ.)
- Certain Types of Obligations in Private International Law. 2nd ed. Moscow, 2014. 352 p. (In Russ.)
- Drozhdov-Tikhomirov A. Legal Principles as a Source of Informal Regulation of International Commercial Agreements. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2009, no. 6, pp. 24—32. (In Russ.)
- Fontaine M. The International “Rayonnement” of the UNIDROIT Principles. *Uniform Law Review*, 2017, vol. 22, iss. 1, pp. 202—212.
- Good R., Kronke H., McKendrick E. Transnational Commercial Law. Text, Cases, and Materials. Oxford, 2007. 770 p.
- Holzmann H., Neuhaus J. Guide to the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration. Deventer Netherlands, 1989. 1307 p.
- Kabatova E. V. Leasing: legal regulation, practice. Moscow, 1998. 203 p. (In Russ.)
- Kanashevskiy V. A. Private International Law. Moscow, 2016. 1008 p. (In Russ.)
- Komarov A. S. Application of Cross-border Rules in International Commercial Arbitration. *International Commercial Arbitration: Current Problems and Solutions: a Collection of Articles Dedicated to the 80th Anniversary of the ICAC at the RF CCI*. Ed. by A. A. Kostin. Moscow, 2012. 399 p. (In Russ.)
- Komarov A. S. Commentary on Art. 1186 of the Civil Code of the Russian Federation. *Commentary to the Third Part of the Civil Code of the Russian Federation*. Ed. by A. L. Makovskiy, E. A. Sukhanov. Moscow, 2002. 554 p. (In Russ.)
- Komarov A. S. UNIDROIT principles as a Source of Cross-border National Rules on International Commercial Contracts. Prolusion. *Principles of International Commercial Contracts UNIDROIT 2010*. Moscow, 2013. 757 p. (In Russ.)
- Kuvshinov V. A. Cape Town Convention on International Interests in Mobile Equipment 2001 and Aircraft Protocol to the Convention. *Gosudarstvo i pravo*, 2003, no. 2, pp. 77—84. (In Russ.)
- Lazareva T. P. International legal regulation of security transactions: Convention on international interests in mobile equipment. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2006, no. 11, pp. 85—95. (In Russ.)
- Lunts L. A. Private International Law. Moscow, 2002. 1007 p. (In Russ.)

- Mazhorina M. V. Choice of Applicable Law to Transboundary Mixed and Unnamed Contracts. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2012, no. 10, pp. 72—81. (In Russ.)
- Mednikov V. Leasing in International Law. *Zakon*, 1999, no. 8, pp. 38—42. (In Russ.)
- Practice of the International Commercial Arbitration Court at the RF CCI for 2001—2002. Ed. by M. G. Rozenberg. Moscow, 2004. 493 p. (In Russ.)
- Practice of the International Commercial Arbitration Court at the RF CCI for 2007—2008. Ed. by M. G. Rozenberg. Moscow, 2010. 574 p. (In Russ.)
- Private International Law. Ed. By N. I. Marysheva. 4th ed. Moscow, 2018. 848 p. (In Russ.)
- Problems of Unification of Private International Law. Ed. by A. L. Makovskiy, I. O. Khlestova. Moscow, 2012. 488 p. (In Russ.)
- Rozenberg M. G. From the Practice of the ICAC at the RF CCI. *Khozyaystvo i pravo*, 2009, no. 3, pp. 106—118. (In Russ.)
- Rozenberg M. G. Some Urgent Issues of the Application of Foreign Civil Law by Russian Courts. *Khozyaystvo i pravo*, 2003, no. 2, pp. 121—128. (In Russ.)
- Shestakova M. P. Trends of Development of Legal Regulation of International Sales. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2013, no. 4, pp. 78—91. (In Russ.)
- Soderlund K. Swedish, British, and Russian Arbitration Acts: A Comparative Review. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2004, no. 4, pp. 94—99. (In Russ.)
- Teplov N. V. Leasing in the Light of Article 670 of the Civil Code of the Russian Federation. *Zakon*, 2012, no. 7, pp. 105—116. (In Russ.)
- Vilkova N. G. Contract Law in International Business. Moscow, 2004. 510 p. (In Russ.)
- Viscasillas P. P. Interpretation and Gap-Filling under the CISG: Contrast and Convergence with UNIDROIT Principles. *Uniform Law Review*, 2017, vol. 22, iss. 1, pp. 4—28.
- Vogenauer S. Commentary on the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (PICC). Oxford, 2015. 1824 p.
- Yuseva Yu. V. The Concept of Financial Lease and its Regulation in Private International Law. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava*. Iss. 5. Moscow, 2002. 526 p. (In Russ.)
- Zhil'tsov A. N. Application of Section VI of the Third Part of the Civil Code of the Russian Federation in the Practice of the ICAC at the RF CCI. *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha*, 2014, no. 2, pp. 10—29. (In Russ.)
- Zhil'tsov A. N. Review of the Practice of the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation for 2014—2015. *The Practice of the ICAC at the RF CCI: 2004—2016: to the 85th Anniversary of the ICAC (based on anonymous materials from journals "International Commercial Arbitration" and "International Commercial Arbitration Review")*. Ed. by A. N. Zhil'tsov, A. I. Muranov. Moscow, 2017. 1564 p. (In Russ.)
- Zykin I. S. The Hague Principles of Choice of Law Applicable to International Commercial Contracts. *Aktual'nye pravovye aspekty sovremennoy praktiki mezhdunarodnogo oborota*. Ed. by A. S. Komarov. Moscow, 2016. 272 p. (In Russ.)

